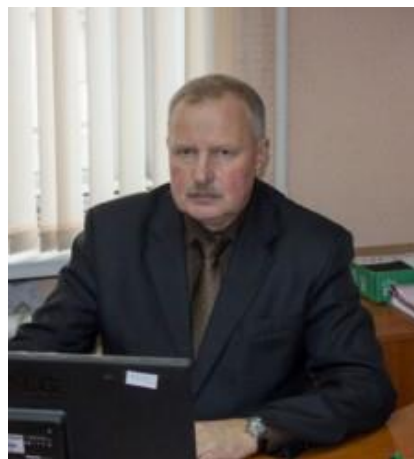

Т.И. Баталко

Доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»

В.В. Акуневич

Декан факультета экономики и права Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», доцент, кандидат исторических наук

Особенности национально-культурной политики белорусизации (психологический аспект)

Авторы рассматривают психологический аспект широкой проблемы политики белорусизации. Современная белорусская историческая наука отказалась от позиции прямолинейного утверждения, что белорусизация, как и украинизация, были спланированными заранее акциями, чтобы выявить лучшие силы этих народов и затем обрушить на них массовые репрессии. Все было сложнее. Внутри страны были как свои горячие сторонники и энтузиасты белорусского возрождения, так и те, кто оказывал как активное, так и пассивное сопротивление его проведению. Не способствовала успеху политики белорусизации и национальная дифференциация между городом и деревней, внося специфику и в языковую ситуацию – русскоязычный город и белорусскоязычная деревня. Значительная часть белорусских служащих денационализировалась и от белорусского языка отказалась, предав его забвению как язык <мужицкий>. Объявление белорусского языка государственным и требования его знания и пользования им не могло не вызвать сопротивления русифицированной части чиновничества. К сожалению, дух кампанейщины витал в атмосфере тех лет и был легко обоняем даже темным и неграмотным крестьянином, у которого вследствие многовековой колонизаторской политики сформировалось пассивное неприятие всего, что так или иначе связано с <беларускасцю>.

Ключевые слова: Белорусская национальная идея, культурный процесс, национально-культурное строительство, политика белорусизации, противники и приверженцы национального возрождения.

Стремление получить поддержку многонационального населения страны, завоевать доверие народа подтолкнули партию большевиков в 20-е годы XX века начать национально-культурное

строительство, которое в Беларуси получило название «белорусизация».

Под белорусизацией принято понимать комплекс мер, направленных на развитие национальной культуры, создание

литературного белорусского языка, проведение языковой политики, строительство национальной белорусской школы (с одновременной организацией школ для национальных меньшинств, населяющих республику), формирование белорусских войсковых частей, перевод периодической печати, издательского дела на белорусский язык, выдвижение и воспитание кадров из числа коренного населения (не только белорусского, но и представителей других национальностей, которые хорошо бы знали быт и местные условия). Одновременно решались задачи широкого распространения в массах знаний по истории, культуре, географии, литературе Беларуси. Таков далеко не полный перечень задач, которые призвана была осуществить политика белорусизации, объявленная в республике «всерьез и надолго».

В белорусской научной исторической среде нет единства по вопросам целей, причин, механизмов, итогов, просчетов и, наконец, места политике национально-культурного возрождения (белорусизации) в белорусской истории [Борисенок, 2006: 111-117; Василевская, 1989: 25-26; Ершова, 2012: 527-535; Кароль, 1993: 118-164; Лозицкий, 1989: 16-20; Ненароков, 1990: 2-14; Платонов, 1998: 300-320]. Нам представляется, что через белорусизацию государственного аппарата (коренизацию) советское правительство рассчитывало сделать крестьянство своим союзником. Ведь белорусское крестьянство противостояло малочисленному русскоязычному городу, а это ослабляло позиции города (и власти!) в деревне. Именно в этих целях политико-просветительную работу среди белорусских крестьян предполагалось вести на родном языке, о чем настаивали подписанты знаменитого «заявления 32-х». Следующей задачей, стоящей перед творцами белорусизации, было воспитание лояльной белорусской интеллигенции. Как показала дальнейшая история, они в этом преуспели. Важной целью в реализации политики национально-культурного строительства становится стремление большевиков возглавить белорусское национальное движение, которое набирает популярность среди местных интеллигентов. И, наконец, необходимо отметить умелое использование

достижений национальной политики во внешнеполитической деятельности и пропаганде, которое принесло успех: разоружение белорусской эмиграции, прекратившей антисоветскую борьбу и признавшую БССР «единственным центром белорусского национального движения». Таким образом, одной из причин взятия курса на белорусизацию была совокупность политических выгод и идеологических приоритетов.

Несомненно, что политика белорусизации была необходима. Смысл ее означал, прежде всего, самую значительную попытку духовного самоподъема забитой нации, обретение ею своего первородного лица, освобождения от несообразных подделок под него. Это был национальный порыв, право на который белорусы добились своей революционной борьбой, упорным стремлением «людьми зваться». В период БНР, благодаря деятелям газеты «Наша Ніва» было свое белорусское сознательное ядро, свои культурные достижения, своя государственная воля – у страны были все возможности для действительно своего, белорусского, а не иного пути, который бы означал, прежде всего, национальную культуру, суверенную политику и экономику. Это была, наконец, решительная заявка на самостоятельное духовное самодвижение, собственную историческую инициативу сквозь непроходимую толщу иноземщины. Тут было, однако, много наивного идеализма и явно недостаточно трезвой критической оценки национальной ситуации, имевшей место в республике к началу 20-х годов. Слишком большие последствия в народном сознании имели уходившие в глубокую историю русско-белорусские православные традиции, полуторавековое совместное существование двух славянских народов в едином государстве, усиленное распространение царскими властями русской духовности на новоприобретенных землях. Белорусские жители на официальном уровне слышали повсеместно русскую речь – от школьного ли учителя, православного попа-батюшки или местного чиновника, а в северных и восточных районах Беларуси она вообще довлела над ними и в бытовом плане, так что вполне естественно было многим

(«тутэйшы») гражданам считать себя русскими.

Особое положение занимали города, русско-еврейские по своему преимущественному составу из-за проходившей здесь черты оседлости евреев. Форпосты западнорусизма, очаги денационализации, местные города оказывали сильное сопротивление белорусской волне, в частности, в школьном обучении. Но и значительная масса крестьянства не воспринимала никакой белорусской государственности, но видела свою дальнейшую судьбу только в пределах Российской державы. Это нашло отражение в выступлениях депутатов расширенного съезда сельсоветов Витебской губернии 25 июля 1923 г.: «Мы белорусского языка не знаем и ни к какой Беларуси присоединяться не желаем». Другой подчеркивал: «Мы все русские, чувствуем себя свободными гражданами Российской республики» [ГАВО:85].

Да, население Витебщины в наибольшей степени ощущало на себе воздействие «русскости» в силу своего специфического географического положения. Северо-восточные земли Беларуси значительно раньше вошли в состав России, так что местные жители, даже и признавая себя белорусами при опросе, прежде всего, чувствовали не себе след богатой русской культуры. Тем более, что белорусская духовность не успела еще в элитарном плане достаточно мощно о себе заявить. У сельчан существовали мысли, что своя крестьянская речь – это для домашнего употребления, для здешних мелких нужд или забав, а учиться нужно на «ученом», «правильном» языке, на котором говорят в городе и от которого будет больше пользы в жизни – свой же и так с грехом пополам знаем. Болезненно проходило преодоление этой психологии и она сказалась на сроках белорусизации. Протоколы собраний того времени свидетельствуют о горячем накале споров, бескомпромиссном разномыслии – в республике никак не могло быть единодушия по поводу обретения ею своего истинного лица. Тут уже неизбежной была тогда, актуальной остается и в наше сегодняшнее время проблема – что значит «истинное лицо», в чем его подлинные критерии.

Видимо, прежде всего, в родном белорусском языке, от которого когда-то отошла социальная и духовная элита общества, перейдя в польские, а затем русские культурные координаты. Руководители белорусизации – большевики В. Игнатовский, З. Жилунович, А. Балицкий, А. Червяков много делали на пути Возрождения и, в частности, в своем рабочем окружении были энергичными примерами употребления родной речи и перевода на нее всего делопроизводства. Именно с этих людей начиналось непосредственное воплощение идей белорусизации в жизнь, с их горячей инициативы и непоколебимой веры в свое дело. Именно они наиболее отражали в своей деятельности государственность белорусского голоса и стремились реально закрепить ее во всей республике. Рядом с подлинными подвижниками белорусизации, среди партийных и государственных руководителей, организаторов культурного процесса были и люди, чужие по своей внутренней сущности белорусскому духу и поставленные, таким образом, в противоречивое положение. С одной стороны, над ними довлела партийно-государственная дисциплина, а с другой – очень не лежала душа к порученному делу и в любом случае находила возможности для скрытого саботажа – подмену живого дела бумажной процентоманией, сверхэнергичный, едва ли не провокационный энтузиазм, прямое неисполнение со ссылкой на объективные трудности. Выступая с официальными речами и отчетами в кабинетах, они говорили те слова, которые от них требовали, в кулуарах же, благо единомышленников было много, часто ворчали и недовольно пожимали плечами. Понятно, что когда политика белорусизации была свернута, эти люди явились активными и старательными исполнителями государственной антинацдемовской воли. Отрицательная ситуация усиливалась существованием такого досадного явления, как «самосуйщина» – по имени главного героя сатирического произведения Андрея Мрия, белорусского писателя 1920-х годов, «Записки Самсона Самосуя» – неуча и прохвоста, который тем не менее занимал

определенную государственную должность и организовывал культурно – просветительский процесс. Раз за разом этот «просветитель» и «вестник новой культуры» попадает в абсурдные нелепые положения, то организуя в городе массовое уничтожение собак, то проводя показательное тушение пожара у надоевших ему соседей, то создавая движение любителей культурно загорать. Конечно, Самосуй – это гипербола, но автор, работник сферы образования, имел для создания этого образа определенные основания, наблюдения, к которым нельзя было относиться без досады. Ему встречались и лекторы – цитатчики, которые не могли толком ответить ни на один вопрос слушателей, и «белорусизаторы», не владевшие досконально даже русским языком, и разные инспекторы и уполномоченные, которые говорили только языком лозунгом и приказов. Это были грустные результаты так называемого «ленинского набора», пополнения партийных рядов за счет интеллектуально неразвитых, но социально активных граждан, местных шариковых, для которых не только белорусский язык, но и вообще культура было делом десятым. Легко можно представить, какой вред они наносили делу белорусского национального культурного строительства.

Как ни противоестественно это звучало, но противниками возрождения белорусской духовности были и труженики интеллектуальной сферы, белорусскоязычные по своему происхождению и форме деятельности. Далеко не все из них обладали той же духовной толерантностью, что и В.И. Пичета, первый ректор Белгосуниверситета [Баранова,2009:178-186]. Не белорус, приехавший из Москвы, он на заре белорусизации доказывал исторические права и основы белорусского языка в своей статье «Белорусский язык как фактор национально-культурный» [Пичета,1923:35]. Ему противостояла значительная часть интеллектуальной элиты белорусского общества, которая стояла на позициях технократического подхода к развитию послереволюционного общества. Эти люди не склонны были идеализировать роль белорусского языка и других примет

белорусскости в развитии общества. Наоборот, они настаивали на том, что необходимы укрепление единой связующей формы информационного пространства, концентрация усилий на углубление интернационального мышления. Такой склад мыслей хорошо сочетался с идейными интернационалистскими мотивами, а также с практической будничностью духовной жизни большинства местного населения («Какая разница на каком языке говорить?») [Сухоцкая,2010:124-128].

За свои считанные годы белорусизация не смогла переломить отношения к белорусскому языку у значительной массы местной интеллигенции. К сожалению и часть школьных учителей, призванных возрождать белорусский язык, относились к этой задаче с нигилизмом [Баліцкі,1925:117-208]. Так, в письме П.Голошевского, учителя Угольшинской школы, стоит вопрос: «Зачем возрождать забытый и утраченный белорусский язык? Ведь социализм должен стремиться к объединению... не идем ли мы в этом отношении назад, вместо того, чтобы идти вперед?»[ГАВО,43]. В 1928 году сводка ОГПУ о политическом состоянии Оршанского округа характеризовала отношение научно-педагогических кадров к белорусскому языку как пассивное сопротивление. Преподаватель рабфака Белгосакадемии сельского хозяйства Д.П. Титенков в открытую заявлял: «С белорусским языком не только социализма, но даже Осинстрой не построишь» [ГАВО,448]. Впрочем, с ним боролись не менее непримиримо – «за упорное нежелание изучать белорусский язык и фактическое вредительство политике белорусизации» уволили с занимаемой должности [ГАВО,448]. Проявление национального нигилизма у значительной части населения не могли не волновать руководителей Наркомпроса. Выступая по этому поводу, нарком просвещения и белорусский историк В.Игнатовский рассуждал: «Почему мы считаемся так с мнением крестьянина по вопросу о трудовой школе? Надо помнить, что работа в школе – это специальность, поэтому надо спрашивать мнение специалиста»[НАРБ,197] . Примерно то же сказал и Я.Лесик, редактор «Вольной

Беларуси», филолог, деятель БНР еще в сентябре 1917 года по поводу бесконечных ссылок противников белорусского возрождения на настроения народных масс: «Враги «беларушчыны» говорят, что не стоит строить белорусские школы, так как народ их не хочет. Народ... Как же народ наш потребует свои белорусские школы, если он никогда их не видел и ничего в этом деле не понимает? Разве можно спрашивать у народа о том, нужны ли нам, к примеру, те лаборатории, где работают всю жизнь ученые? Темный народ всегда скажет, что не нужны. И странная привычка ссылаться на народ там, где эта ссылка ни к чему. Во многих других вопросах мы обращаемся к специалистам и знатокам, а вот в вопросах государственного строительства мы довольствуемся мнением таких специалистов, как темный, некультурный народ... Народу нужно сначала рассказать, объяснить, его нужно сначала просветить, обучить, а потом звать к себе на совет»[НАРБ,200].

Но у белорусского языка были свои великие подвижники, горячие энтузиасты глубоко патриотического дела. К их числу, кроме вышеназванных, следует отнести основные силы белорусского учительства, тружеников различных культурно-просветительских учреждений, студенческую молодежь, особенно будущих педагогов, служащих органов массовой информации, писателей и литераторов, ученых – филологов, историков, этнографов. Люди, глубоко проникнутые белорусской идеей, как праздник принявшие возрождение национальных духовных корней, они ощущали всю судьбоносность своего времени, спешили, как будто знали, что оно скоро пройдет и больше уже может не повториться. В тогдашних протоколах их выступления назывались «националистическими». Впрочем, исправно и с легкостью вешались и другие ярлыки типа «шовинисты». Дух революции, войны, гром фронта еще господствовали вокруг, что называется – сплошное «дыхание грозы». Тут неизбежно одна ошибка приходила за другой и семь раз резали, прежде чем один – отмерить.

Библиографический список:

- 1.Борисенок,2006 – Борисенок Ю.А. Белорусизация 1920-х годов: предыстория // Вопросы истории.2006.№6., С.111-117;Василевская,1989 – Василевская М.С. Листая журналы 20-х: (о культурном строительстве в республике)// Политический собеседник.№11., С.25-26;Ершова,2012 – Ершова Э.Б. Алгоритм развития культуры Беларуси в 20-е гг. XX в.// Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания института белорусской культуры: материалы международной научной конференции, Минск,8-9 декабря 2011 г./редкол.: А.А.Коваленя [и др.].Минск: Белорусская наука, 2012. С527-535;Кароль,1993 – Кароль А.И. Беларусізацыя – палітыка нацыянальнага адраджэння/А.Кароль// Крыжовы шлях. – Мінск: Згода, 1993.С.118-164; Лозицкий,1989 – Лозицкий В.С.Політика українізації в 20-30-х рр.: Історія, проблеми, урокі// Укр.історичні журнал.1989.№3.,С.16-20; Ненароков,1990 – Ненароков А.П. Из опыта национально-языковой политики первых лет Советской власти// История СССР.1990.№2.,С.2-14;Платонов,1998 – Платонау Р.П. Лесы: Гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях малавядомых падзеях духоунага жыцця у Беларусі 20-30-х гг. Мінск:БелНДЦАС,1998.326 с.
- 2.Государственный архив Витебской области – ГАВО. Ф. 10050. Д. 624. Л. 85.
- 3.Баранова,2009 – Баранова Е.В.Пичета В.И. и власть в 1920-е гг.// Российские и славянские исследования: научн.сб./редкол.А.П.Сальков, О.А.Яновский (отв.ред.) [и др.].Мінск:БГУ, 2009.Вып.4.С.178-186.
- 4.Пичета, 1923 – Пічэта В.І. Беларуская мова як фактар нацыянальна-культурны. Мінск, 1923. 35с.
- 5.Сухоцкая,2010 – Сухоцкая С.Ю.Образование на Витебщине в 1920-х гг.: национальный аспект// Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспубліканскай навук.-практыч.канф., Віцебск,30-31 сакавіка 2010 г./рэдкал.: У.Акуневіч [і інш.].Віцебск: ВДУ імя П.М.Машэрава, 2010. С.124-128.

6. Баліцкі, 1925 – Баліцкі А.П. Беларусізацыя культурна-просветных устаноў// Польша. 1925. №4-5. С.117-203
7. Государственный архив Витебской области – ГАВО. Ф. 10062. Д. 620. Л. 43.
8. Государственный архив Витебской области – ГАВО. Ф. 10062. Д. 626. Л. 448.
9. Национальный архив Республики Беларусь – НАРБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 197.
10. Национальный архив Республики Беларусь – НАРБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 200.

©Баталко Т.И., 2017